

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

А.В. Бодров

ИЗУЧАЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СОЮЗНИКА? РУССКАЯ АРМИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В 1870-е гг.

Статья посвящена оценкам русской армии французских военных представителей в Петербурге в 1870-е гг. В ней предпринята попытка оценить то, воспринималась ли русская армия уже в эти годы в качестве потенциального союзника против Германии. Автор отмечает, что на смену общего восприятия России в Париже повлияла благожелательная Франции позиция русской дипломатии. В равной мере после 1871 г. Россия и Франция перестали воспринимать друг друга в качестве потенциальных противников, что открывало путь к более доверительному и тесному военному сотрудничеству. Пусть потепление русско-французских отношений было пока и далеко от любых формальных обязательств, для французских военных интерес к возможностям русской армии с самого начала не был чисто академическим. В числе их задач была и оценка способности русской армии оказать помощь Франции в случае очередного франко-германского конфликта. Они не скрывали от своего руководства многочисленных проблем, с которыми столкнулась бы в этом случае русская армия. Вместе с тем, в условиях ухудшения русско-германских отношений в конце 1870-х гг. демонстрация взаимных симпатий между русскими и французскими военными стала приобретать и определенное политическое значение.

Ключевые слова: Третья республика; Российская империя; русская армия; франко-русское сотрудничество; военные представители.

Поражение в войне 1870–1871 гг. надолго ослабило позиции Франции в Европе. Первое послевоенное десятилетие для страны было отмечено острой внутривнутриполитической борьбой, кардинальной реорганизацией армии и попытками преодолеть дипломатическую изоляцию. В отечественной историографии это десятиле-

тие также традиционно рассматривается как первый этап на пути к русско-французскому союзу [1, с. 13–14]. На изменение восприятия России руководством Третьей республики повлияла позиция русской дипломатии на заключительном этапе франко-германской войны 1870–1871 гг. Петербург тогда вполне недвусмысленно высказался против аннексии Эльзаса и Лотарингии Германией, подерживая тезис о том, что это породит постоянную угрозу миру в Европе [2, с. 159, 186; 4, s. 298–299.]. В начале 1870-х гг. российский канцлер А. М. Горчаков не только допускал мысль о мирной частичной ревизии Франкфуртского договора, но и неоднократно призывал Францию «быть сильной» во имя европейского равновесия. Эта установка проявилась и в моральной поддержке, которую Париж получал в эти годы от Петербурга в условиях частых обострений франко-германских отношений.

Все это потенциально открывало новые возможности и для франко-русского военного сотрудничества. Автор ставит своей задачей очертить общий образ русской армии в оценке французских военных представителей в России, не уходя в детальное описание русской военной реформы 1870-х гг. В центре внимания будут только те аспекты, которые позволяют ответить на вопрос о том, в какой мере французские представители видели в России потенциальную союзницу против Германии. Центральное место при этом будет уделено оценкам французского военного атташе в Петербурге (1873–1878 гг.) полковника Луи Гайара. Важно отметить и роль нового посла Французской республики в Петербурге (1871–1879 гг.) генерала Адольфа Леффло, видевшего главной целью своей миссии именно «настолько глубокое, насколько позволят здешние обстоятельства» изучение русской армии [Донесение Леффло от 29 августа 1871 г. // Service historique de la défense / Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT). 7 N 1465].

Важно отметить, что задача с самого начала не была простой. Во-первых, военные уставы в России, как быстро убедились французы, часто оставались «мертвой буквой». Жаловался Леффло и на тягостный церемониал, который окружал в России иностранных представителей и не давал им нужной свободы наблюдений. Не проливали свет на положение дел и светские беседы. Имевшие

доступ к секретам русские офицеры, отмечал посол, считали долгом соблюдать крайнюю сдержанность и скрытность, а «прочие ничего не могут прояснить вследствие неведения, которое достигает пределов мыслимого». Огромной проблемой, наконец, оставалась невозможность быстрого освоения русского языка. [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Лефло сетовал и на то, как трудно было дать связную картину состояния русских вооруженных сил «посреди горячки преобразований по следам нашей злополучной войны, охватившей Россию, возможно, более чем какую-либо другую нацию в Европе» [Донесение Лефло от 3 февраля 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Любая картина русской армии в этой ситуации была обречена на постоянные коррективы. Французский военный представитель в Петербурге полковник Гайар, в свою очередь, охотно цитировал слова французского писателя А. Леруа-Болье о том, что русский народ словно «покинул один берег и не достиг еще другого <...> и нельзя выразиться удачней в том, что касается, в частности, [русской] армии» [Донесение Гайара от 25 декабря 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. В апреле 1875 г. Гайар все так же констатировал: в нынешнем положении вещей «судишь скорее по тенденциям, чем по утвержденным уставам, по надеждам или планам, чем по реально достигнутому» [Донесение Гайара от 18 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

В силу этого русская армия, вопреки утверждению советского историка А. З. Манфреда [1, с. 36], едва ли могла служить «образцом» для реорганизации французской армии. Члены различных французских комитетов и комиссий, занимавшихся разработкой новых военных законов, постоянно апеллировали к германскому опыту, но не демонстрировали столь же глубоких познаний относительно русской армии. О том, что «новая организация русской армии еще не завершена и недостаточно известна», чтобы служить в дебатах доводом «за» или «против», обмолвился в ноябре 1872 г. на одном из заседаний Высшего военного совета и тогдашний французский военный министр Эрнест Сиссе [5, р. 160].

И все же изучение русского опыта имело несомненный интерес для Парижа в ряде практических вопросов. Интерес к применению

бронированных башен при модернизации укреплений Кронштадта, например, диктовался усилиями французов по созданию оборонительной системы на новой границе с Германией. Не случайным было и изучение Гайаром с привлечением помощников-специалистов коннозаводческого дела в России в свете введенного в марте 1875 г. Германией эмбарго на вывоз лошадей во Францию, призванным задержать ее военную реорганизацию. Большое внимание французских военных привлекал также недавно выстроенный Петербургский патронный завод — один из самых мощных и современных в Европе. Любопытно, что в эти годы французское военное министерство воздерживалось от отправки в Россию специалистов, имя которых было «слишком хорошо известно немцам» и могло поэтому «вызвать некоторую подозрительность» [Сиссе — Борелю, 30 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Гайар и сам отмечал, что за его деятельностью в России пристально следили в германском посольстве [Донесение Гайара от 18 апреля 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Французские представители были не менее внимательны к изъяснениям русской военной организации. Первый общий обзор русской армии, подготовленный в апреле 1872 г. помощником военного атташе полковником Барри, содержал следующий категоричный вывод: России на пути реорганизации приходилось преодолевать больше трудностей, чем кому бы то ни было, «она более всех отстает на пути общего прогресса», и что касается самой русской армии, то ее «внешняя сторона красива, иной раз можно даже найти ее блестящей; но внутри — пустота, и учет еще немало лет, прежде чем эта пустота заполнится» [SHD/DAT. 7 N 1465]. Полгода спустя, однако, генерал Лефло счел нужным уточнить первоначальный образ: «Нет, Россия не тот колосс, каким ее некоторые желают видеть; но этот колосс, уменьшенный до своих подлинных размеров, тем более не является колоссом на глиняных ногах, каким его изображают другие» [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Французские наблюдатели существенно корректировали первоначальные оценки и в ряде других случаев. Например, в 1871 г. французский посол сетовал на то, как мало ценных наблюдений

можно было вынести из присутствия на летних маневрах в России: «это гвардия и одна лишь гвардия, и многие, похоже, полагают, что разница между гвардией и линейными частями столь значительна, какой бы ей быть не следовало» [Донесение Лефло от 29 августа 1871 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Несколько лет спустя полковник Гайар, напротив, подчеркивал ошибочность весьма распространенного в Европе мнения, что «за исключением того, что иностранцам показывают в Петербурге, в России армия очень слаба». Увиденное им в Москве, Варшаве, Вильно, Киеве и Великом княжестве Финляндском заставляло заключить, что сбрасывать со счетов линейные части было бы «серьезным просчетом», и что они «составляют вполне грозную военную силу» [Донесение Гайара от 25 марта 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Проводившийся французами анализ боеспособности русской армии показывал, что она была далека от готовности к войне. Они не обманывались официальной цифрой в 1,375 млн солдат, которых Россия на бумаге могла выставить до введения всеобщей воинской повинности. В реалиях все более молниеносных военных кампаний Россия в гипотетической войне с Австро-Венгрией или Германией могла рассчитывать, согласно оценкам французов, лишь на 580 тыс. человек: 460 тыс. главной армии, сосредоточенных по линии Вильно — Варшава — Киев, и 120 тыс. резервной армии (Санкт-Петербург — Казань) [Отчет Лефло от 18 сентября 1872 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Лишь после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности Россия по прошествии 7–10 лет должна была оказаться в состоянии выставить до 2 млн человек в случае войны [SHD/DAT. 7 N 664].

Гайар ставил под сомнение и оценки русского Генерального штаба в том, что касалось сроков мобилизации. Он уже успел убедиться, что в России «сталкиваешься с гарантированной точностью скорее редко, чем часто». Например, на бумаге I армейскому корпусу отводилось на мобилизацию 15 дней. Однако по расчетам Гайара выходило, что за это время корпус не успевал не только пополнить всем необходимым парки и обеспечить себя транспортными средствами, но даже завершить комплектование резервистами. Реальный срок, к которому корпус был «целиком и полностью готов к бо-

евым действиям», французский представитель определял в 27 дней после начала мобилизации. Еще больше времени должна было потребовать мобилизация гвардейского корпуса. Гайар констатировал, что в России «потребности быстрой мобилизации не числятся среди вопросов, которыми занимаются наиболее активно» [Донесение Гайара от 18 мая 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Эти и многие другие детали, зафиксированные в регулярных доносениях французских представителей, заставляли их осторожно оценивать способность России оказать на практике помощь Франции в случае ее очередного столкновения с Германией. Как предельно откровенно заявлял в начале 1872 г. полковник Барри, «русская армия — в том состоянии, в котором она находится сейчас — не может претендовать на победоносный исход борьбы с германской армией» [Aperçu d'ensemble de l'armée Russe, avril 1872 // SHD/DAT. 7 N 1465]. После развязки «военной тревоги» 1875 г. к оценке положения, в котором оказалась бы русская армия, «если бы ей завтра пришлось столкнуться с полностью готовым и деятельным противником», обратился и Гайар. Он указал Парижу на «огромные проблемы в том, что касается мобилизации, транспорта, фортификационных сооружений» как на самые слабые места русской армии вне зависимости от того, пришлось бы ей действовать наступательно или оборонительно. Военному атташе казалось правильным в этой связи занять «золотую середину» между «чрезмерной уверенностью, которую, могло быть соблазнительно питать сегодня на счет немедленного вмешательства русской армии, и противоположным впечатлением, которое, как мне казалось, было наиболее распространено во Франции несколько месяцев назад» [Донесение Гайара от 15 мая 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Примечательно в этой связи, что Гайар посвятил немало времени оценке настроений в России. Он не скрывал, что в середине 1870-х гг. французский военный представитель в Петербурге существенно проигрывал положению своего германского и австро-венгерского коллеги. Примечательным контрастом служила и бесконечная вереница германских офицеров, прибывавших в российскую столицу в составе различных миссий. Однако Гайар неоднократно уверял Париж «в бесспорных симпатиях» к Франции

в русской армии и охотно противопоставлял их примерам проявлений антипатии к немцам.

Гайар находил также важные подтверждения тому, что французские офицеры пользовались в Петербурге все большим доверием. В ответ на одно из его обращений к российским военным властям ему было открыто сказано, что «Вас здесь не считают в качестве вероятного противника и для Вас тут сделают то, что не захотели бы сделать для всех Ваших коллег». Единственным условием было избегать официальных запросов, о которых стало бы известно другим иностранным представителям. Гайару было дано «вполне официальное обещание», что в случае направления в Петербург со специальной миссией французского специалиста, тому будет сообщено все, что «ему будет интересно узнать». Подобный «режим наибольшего благоприятствования» распространялся и на новейшие укрепления в Кронштадте, при условии соблюдения французами «полнейшей конфиденциальности и секретности» [Донесение Гайара от 10 мая 1874 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Самому Гайару позволили не только посетить стройку на форте Константин, но и ознакомиться с планами. Любопытно, что британский военный представитель капитан Уэллсли, напротив, долгое время не мог добиться такой возможности.

Серьезный удар по этой идиллической картине, однако, нанес тост Александра II за здоровье Вильгельма I и «героическую германскую армию», провозглашенный императором 6/18 августа 1873 г. в ходе летних маневров русской армии в Красном Селе на полковом празднике лейб-гвардии Преображенского полка. Для французов этот тост имел политическое значение, поскольку прозвучал в годовщину битвы при Гравелот — Сен-Прива. Ни Гайар, ни его помощник капитан де Местр в тот момент не были за императорским столом. Военный атташе предполагал, что он не случайно получил приглашение великого князя Николая Николаевича посетить его штаб именно в этот день. Примечательно, что Гайар пытался сгладить возможное впечатление в Париже. Он был склонен трактовать тост Александра II не только как «проявление личных чувств», но и как расчетливый ход «правителя, который считается с военной мощью соседа»; правителя, чья «армия и страна

переживают полную трансформацию», и который «не видит в данный момент никакой возможной помощи извне» [Донесение Гайара от 1 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Тем не менее, этот эпизод был воспринят в Париже серьезно. Он заставил французское военное министерство неизменно призывать Гайара в дальнейшем к сдержанности и осторожности. Здесь полагали, что «никогда не стоит полагаться на внешнюю сторону, сколь бы приятной она ни была», и все выраженные симпатии к Франции в любом случае «не могут, по крайней мере, в настоящий момент, принести какие-либо плоды» [Пометы на полях к донесению Гайара от 1 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. «Сколь бы ни были нам дороги симпатии России», отмечал военный министр Франсуа Шарль дю Барай, очень трудно проникнуть в «подлинные чувства» русского правительства, которое, как ему казалось, было вовсе не единодушно в своем отношении к французской нации и французской армии [Черновик письма дю Барая от 22 сентября 1873 г. // SHD/DAT. 7 N 1479]. Полтора года спустя Э. Сиссе, в свою очередь, считал не только важным оставаться настороже, но и «не провоцировать слишком явно эти благожелательные проявления» в адрес Франции [Черновик письма Сиссе от 14 июня 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Все это объясняло то, почему летом 1874 г. Гайар рекомендовал во избежание инцидентов не присылать полноценную французскую миссию на маневры в Красном Селе. Ему в качестве единственного наблюдателя было проще, сославшись на плохое самочувствие, уклониться от присутствия при новых публичных жестах в пользу Германии, вероятность которых повышалась в связи с прибытием большого числа германских офицеров по случаю свадьбы великого князя Владимира. Французский МИД всецело поддержал эти соображения Гайара: честь французского мундира требовала уклониться от присутствия при любых манифестациях, которые «могли бы ударить по нашему национальному самолюбию» [Деказ — Сиссе, 10 и 13 июля 1874 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Тем не менее, «военная тревога» 1875 г. придала франко-русскому сотрудничеству новый импульс. В июне 1875 г. Франция, наконец, направила в Россию полноценную военную миссию,

члены которой пробывали здесь до начала сентября. На сей раз праздник в честь Преображенского полка 6/18 августа был отмечен не тостами российского императора во славу германского оружия, а щедрыми наградами французским офицерам: капитанам Серва де Лель и д'Юсселю, майорам Ланглуа и Шануану, подполковникам Нуэ и Юману и самому полковнику Гайару, удостоенному ордена Св. Станислава 2 степени с императорской короной. Гайар полагал, что он был вторым иностранным офицером после (ныне) генерала Вердера, которому позволили носить эту награду «перед русской армией» [Донесение Гайара от 19 августа 1875 г. // SHD/DAT. 7 N 1465].

Вершиной же монаршего расположения к французскому военному представителю стало высочайшее одобрение инициативы брата императора великого князя Николая Николаевича пригласить в начале ноября 1876 г. Гайара присоединиться к его штабу в преддверии ожидавшейся мобилизации русской армии против Османской империи. Французский военный атташе особо подчеркивал значение того, что он был единственным иностранным офицером, которому предстояло быть при штабе русской армии с первого дня близившейся войны. Гайар получил, в связи с этим, в российской столице от «очень значительных персон» поздравления, которые он «не считал простой любезностью» [Донесение Гайара от 30 ноября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. В свою очередь, французский военный министр Жан-Огюст Берто расценивал приглашение Гайара как «высокий знак отличия» [Черновик письма Берто от 15 ноября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Все это объясняло более чем доброжелательный настрой французских представителей в России. Реагируя на множившиеся в Париже недоброжелательные слухи о плачевном состоянии сосредоточенных в Бессарабии русских войск, «вызванные к жизни глупостью, неведением и черной завистью», посол Лефло просил у Гайара еженедельных свидетельств-опровержений из Кишинева [Телеграмма Лефло от 17/29 декабря 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. Гайар с готовностью заверял, что русские «войска великолепны, моральный дух превосходен <...> транспорт дает много поводов для сомнений, но снабжение на первое время кажется

обеспеченным. Штаб армии даже превосходит все мои ожидания» [Телеграмма Гайара от 31 декабря 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1465]. С началом русско-турецкой войны в апреле 1877 г. к главной квартире прибыли представители и других иностранных армий. Это несколько модифицировало роль Гайара и в некоторых отношениях придало его миссии «менее личный характер» [Черновик инструкций Берто от 25 апреля 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Донесения Гайара достигали Парижа с большим запозданием, поэтому в январе 1877 г. ему указали ограничиться лишь личными наблюдениями, оценками и дополнениями к тому, что обнародовалось в прессе. Ему предписывалось считать «известными Второму бюро» все факты, которые можно было найти в русских газетах и журналах [Черновик письма Берто от 24 января 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1479.]. Сбор и пересылку соответствующих изданий, интересовавших французский Генштаб (в частности, номера «Русского инвалида» и «Военного сборника»), взял на себя советник французского посольства в Петербурге Теодор Мейер.

Как отмечает исследовательница М. О'Коннор, к началу русско-турецкой войны Гайар существенно расходился со своим британским коллегой Уэллсли в общей оценке русской военной системы. Если британец делал акцент на ее глубоких изъянах, то француз считал ее, в целом, превосходной, а все проблемы — разрешимыми в самом скором времени [3, р. 289–290]. Однако Гайар разделял общее мнение своих коллег о том, что война застала русскую армию в «переходном состоянии». Он не скрывал от Парижа, что «большая война» поставила бы русскую армию «перед лицом весьма тяжелой необходимости импровизировать» [Донесение Гайара от 6 сентября 1876 г. // SHD/DAT. 7 N 1466]. Это вкупе с другими специфичными чертами кампании поспособствовало его убеждению, что с точки зрения военной науки из нее едва ли можно было извлечь полезные уроки. Гайар в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. скорее утвердился в сформированном прежде противоречивом образе русской армии. Он стал свидетелем не только доблести русских солдат и офицеров, но и ошибок командования, вопиющего пренебрежения разведкой, «пущенного на самотек» снабжения, влияния политики на военные решения и т.п. [3, р. 267–268, 271].

В целом, миссия Гайара была удостоена самой высокой оценки военного министерства, а собранные им свидетельства были признаны «бесценными». По мнению министра Анри Греле, Гайар достойно представлял французскую армию на протяжении всей кампании и благодаря своему образу действий при русской главной квартире «сумел, вдобавок, способствовать развитию уважения и дружбы, которые он уже успел вызвать у предводителей русской армии во время своего пребывания в Петербурге» [Письмо Греле от 21 мая 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479.]. В равной мере высоко оценивалась и миссия генерала Анри Курси при ставке великого князя Михаила на Кавказском фронте осенью 1877 г. [Письмо Лефлю от 16 декабря 1877 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Назначение Гайара летом 1878 г. во французский Государственный совет поставило вопрос о поиске ему достойного преемника, подходящего для столь важного поста и способного сохранить то «великолепное положение», которого он сумел достичь в Петербурге [Греле — Деказу, 10 августа 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479]. По рекомендации Лефлю новым военным атташе в России стал подполковник Генштаба Жюль Шануан, бывший глава первой французской военной миссии в Японии. Решающим доводом стало то, что он очень хорошо себя проявил в составе французской военной миссии в России в 1875 г. Шануан владел английским и немецким языками, а также, по оценке французского посла, бегло говорил по-русски [Письмо Лефлю от 18 августа 1878 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

В марте 1879 г. новым послом в России стал генерал Альфред Шанзи. По его инициативе в конце 1879 г. в качестве второго военного атташе (с марта 1880 г. — первого) в Петербурге был назначен подполковник Рауль де Буадефр, будущий начальник французского Генерального штаба и один из архитекторов русско-французского союза. Смена действующих лиц не ознаменовалась серьезным изменением оценок. Напротив, по прошествии полугода пребывания в Петербурге генерал Шанзи рисовал исключительно комплиментарную картину прогресса военных преобразований в России. Он описывал русскую армию как «мощную, основательно организованную, хорошо вооруженную, преисполненную высокого боево-

го духа», ценность которой «лишь подтверждает пристрастная и зачастую преувеличенная критика, исходящая из Германии». Посол выражал уверенность, что в скором будущем «Россия с ее огромными ресурсами станет могучей державой, симпатии которой обращены к Франции, и быть другом которой всегда будет в наших интересах» [Донесение Шанзи от 22 июня 1879 г. // SHD/DAT. 7 N 1466].

Конец 1870-х гг. ознаменовался ухудшением русско-германских отношений. Оформление в октябре 1879 г. тайного австро-германского союза, текст которого прямо отсылал к русской угрозе, сопровождалось соответствующей пропагандистской кампанией в германской прессе. Эта кампания не прошла незамеченной для французских военных и дипломатических представителей в России. Шануан отмечал в этой связи, что статьи берлинской «Post», указывавшие на угрожающий характер русских военных мероприятий, занимательным образом совпадали с прежними рассуждениями Бисмарка и указывали на «расчетливую провокацию». Все развертывание русских войск в Царстве Польском имело, по оценке Шануана, сугубо оборонительный характер [Донесения Шануана от 8 сентября и 11 декабря 1879 г. // SHD/DAT. 7 N 1466]. Посол Шанзи также решительно отметал все обвинения по поводу угрожающих перемещений русских войск на западной границе и делал вывод, что если кто-то и предпринимает «тревожные для мира в Европе действия, то это не Россия, и если какая-то угроза войны и существует, то именно ей более чем оправданно этим обеспокоиться» [Донесение Шанзи от 23 января 1880 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

В феврале 1880 г. одна из записок Буадефра прямо обращалась к анализу гипотетической войны России с Германией или с Германией, поддержанной Австро-Венгрией. Она по-прежнему констатировала невозможность точно определить время, которое потребовалось бы русской армии на мобилизацию и развертывание на западных рубежах. Сбор информации, которая позволила бы Второму бюро французского Генштаба вычислить срок готовности России, оставался приоритетом для французских военных представителей. Буадефр приходил к выводу, что «агрессия против

Германии не соответствует ни желаниям, ни нынешним возможностям, которыми располагает представленная самой себе Россия. Но если на нее будет совершено нападение, то она располагает достаточными ресурсами, чтобы защищаться даже в одиночестве и не страшиться этого нападения, особенно если она будет поддержана соответствующей позицией Франции». В Петербурге, отмечал французский военный атташе, не рассчитывали на «активное сотрудничество с Францией» в подобной войне, но ожидали, что та будет достаточно «скрытна», чтобы не позволить немцам «снять войска со своих границ с нами» [Донесение Буадефра от 16/28 февраля 1880 г. // SHD/DAT. 7 N 1479].

Можно сделать вывод, что на протяжении 1870-х гг. Франция и Россия были в равной мере далеки от готовности связать себя формальными обязательствами о взаимопомощи. Тем не менее, интерес французских военных к возможностям русской армии с самого начала не был чисто академическим. Позиция русской дипломатии о ценности сильной Франции в интересах европейского равновесия и моральная поддержка, которую Париж получал в условиях многочисленных обострений франко-германских отношений в 1870-е гг., побуждали допускать гипотетическую возможность действий против общего противника. В числе задач, поставленных перед французскими представителями, поэтому была и оценка способности русской армии оказать немедленную помощь Франции. Важно отметить, что французские представители не спешили тешить свое руководство напрасными надеждами и указывали на целый ряд объективных сложностей, с которыми столкнулась бы русская армия в случае действий в западном направлении. Уже тогда, в частности, ими был сделан акцент на проблемах неспешности мобилизации и сосредоточения русских войск, неразвитости путей сообщения в России и общего недостатка четкого планирования.

В 1870-е гг. ничто не поколебало представлений французских офицеров о первенстве германской армии в Европе, что оставляло шансы русским только в случае обороны. Вместе с тем, они отмечали значительный прогресс русской военной реформы. Менялась и общая тональность оценок французских представителей: если вначале преобладала критика, то в середине десятилетия акцент

сместился на достижения. Проблемы, с которыми столкнулась русская армия в ходе русско-турецкой войны, подтвердили правильность установки Парижа на то, чтобы не переоценивать возможности России в процессе перестройки ее военной системы.

Важно, однако, зафиксировать саму смену «оптики» восприятия. После 1871 г. русская армия оценивалась французскими представителями не как потенциальный соперник, но как потенциальный союзник. В равной мере им было очевидно, что и Франция более не воспринималась в Петербурге как враг. Это открыло широкие возможности к развитию военного сотрудничества и взаимной открытости, пусть на протяжении всей первой половины 1870-х гг. Россия оставалась привержена связям в рамках Союза трех императоров. Несомненные знаки расположения, полученные полковником Гайаром от Александра II и вел. кн. Николая Николаевича, успех специальных миссий французских офицеров, связанных с изучением в России «узких» технических вопросов, указывали на существенный прогресс на этом пути. В условиях обострения австро-русских и русско-германских отношений в конце 1870-х гг. демонстрация взаимных симпатий между русскими и французскими военными стала приобретать и определенное политическое значение.

Список литературы

1. Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.
2. Шнеерсон Л. М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 304 с.
3. O'Connor M. P. The Vision of Soldiers: Britain, France, Germany and the United States Observe the Russo-Turkish War // War in History. 1997. Vol. 4. No. 3. P. 264–295.
4. Kolb E. Der Weg aus dem Krieg: Bismarks Politik im Krieg und die Friedensanbahnung 1870–71. München: Oldenbourg, 1989. 408 s.
5. Pedroncini G. (Ed.) La défense sous la Troisième République. Tome I: Vaincre la Défaite, 1872–1881, Vol. I.: Armée de terre. Vincennes: SHAT/ IHCC, 1988. 723 p.

Bodrov Andrei,

PhD in History, Associated Professor, St. Petersburg State University
(St. Petersburg)

EXAMINING A POTENTIAL ALLY? RUSSIAN ARMY IN REPORTS OF THE FRENCH MILITARY REPRESENTATIVES IN 1870s

The article address to the estimates of the Russian army by French military representatives in St. Petersburg in the 1870s. It attempts to assess whether they perceived the Russian army already in these years as a potential ally against Germany.

The author points out that the change in the general perception of Russia in Paris was influenced by the benevolent position of Russian diplomacy to France. Equally, after 1871, Russia and France ceased to perceive each other as potential adversaries, which opened the way to more confidential and close military cooperation. Russia and France may have been still far from any formal obligations, but for the French militaries, the interest in the capabilities of the Russian army from the very beginning was not purely academic. Among their tasks was to assess the ability of the Russian army to provide France assistance in event of another Franco-German conflict. They did not hide from their leadership the numerous problems that the Russian army would have faced in this case. However, with the deterioration of Russian-German relations in the late 1870s, the demonstration of mutual sympathies between the Russian and French military began to acquire a certain political significance.

Keywords: The Third Republic, Russian Empire, Russian army, French-Russian cooperation, military attaches